

ЮБИЛЕЙ

Если народ сочиняет анекдоты — значит, он уже доведен до ручки. Лениным, Брежневым, Ельциным, чукчами, и вот с недавних пор — Пушкиным. "До дня рождения Александра Сергеевича Пушкина осталось девять месяцев", — радостно потирая руки, сказал Сергей Львович, выходя как-то утром из спальни жены! — этот анекдот сейчас один из популярнейших. Действительно, и смех и грех: до каких же абсурдно громадных масштабов может дойти даже самое доброе дело — празднование юбилея солнца русской поэзии. Но, дорогие мои, "наше" двухсотлетие просто цветочки по сравнению с теми ягодками, которыми закармливали бедных пушкинских потомков во время столетий со дня рождения и дня смерти поэта. Что ж, наверное, такова русская душа — гулять так гулять!

Итак, 1899 год.

Копейку ковать — не Пушкина читать

Обстановка в стране перед столетним юбилеем поэта была, прямо скажем, не лучшей: похожая на нынешнюю — в стране царил голод и политическая нестабильность. А как известно, любовь (да хоть к самому Пушкину) приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Празднование юбилея было прекрасным поводом ковать копейку.

Деньги на имени поэта не зарабатывали только ленивые. Выпускались перья, чернильницы с бюстом поэта ("макай в темя и пиши"). А чего стоили одни только "пушкинские" папиросы, внутри которых лежало миниатюрное издание нетленных стихов! Бланки для писем, мыло, почтовая бумага, часы, ножи, бокалы и чашки с портретами, ситцевые платки — все посвященное ему тиражировалось со страшной силой. Одна французская фирма даже изготовила духи с весьма двусмысленным названием "Букет Пушкина". Надо сказать, что аромат пользовался спросом.

Кондитерские изделия столетней давности сильно напоминают сегодняшние реалии, только вместо серии конфет "Ай да Пушкин!" — был просто "Пушкин". В ресторанах появился "bœuf à la Пушкин", "à la Евгений Онегин", а фирма Шустова выпустила "Юбилейный ликер" с портретом поэта и полным текстом стихотворения "Я люблю веселый пир..." Хорошо, не "Пир во время чумы", как сейчас...

Дошло до того, что некий антрепренер сада "Эрмитаж" установил в саду памятник Пушкину из папье-маше. Наглец уверял: "Теперь в Москве два Пушкина — на Тверском бульваре и в саду. Это не прибавляет славы поэту, но увеличивает количество посещающих сад "Эрмитаж".

"Бедный Пушкин! — возмущается корреспондент эского слова". — Его всемирно известную фамилию теперь треплют в Белокаменной на все лады. Некий юркий кондитер и фабрикант карамелей и леденцов выпустил новые "пушкинские леденцы" с портретом поэта и с пояснительными ярлыками, в которых этот карамельный аферист уверяет покупателей, что его "пушкинские леденцы" составлены якобы по рецепту самого А.С.Пушкина, который... лечился этими леденцами от кашля!"

Не так красив Пушкин, как его малюют

Но в этой юбилейной бочке оказалась и ложка дегтя. Вот что писал "Вестник Европы" за 26 мая 1899 года (дата рождения Пушкина по старому стилю. — Прим. ред.): "Единодушная нет ни в обществе, ни в печати — нет даже по отношению к чествованию Пушкина".

В Петербурге, например, так и не установили "достойный памятник поэту", не осуществилась "всемирная подписка выкупа с Михайловского у наследников поэта". В конце концов, не реализовалась "пушкинская копейка" — фонд для организации культурно-просветительских учреждений в память поэта. Идею поддержали, но результаты оказались плачевными — за два месяца поступило всего два пожертвования. Московская дума наотрез отказала в переименовании Тверского бульвара в Пушкинский и в приобретении дома, в котором родился Пушкин. А также в постройке пяти школ имени поэта.

"Прокатили" и проект устройства всероссийских велосипедных гонок в память Пушкина, общество астрономов так и не смогло устроить обед, меню которого состояло из блюд, упоминаемых в "Евгении Онегине". А игроки не сыграли в карты с цитатами.

Программу чествований сто лет назад разрабатывала специальная комиссия при Императорской Академии наук. На празднование юбилея Петербургская дума выделила 9000 рублей, Московская — 12000 рублей, город Радомысль — 100 рублей. Городские же думы Белгорода, Волска, Серпухова вообще отказались чествовать поэта, аргументируя это так: "Пушкин положительного ничего для города Серпухова не сделал" ("Русская мысль", 1899 год).

При всеобщей, казалось бы, любви к Пушкину в обществе наблюдались противоречивые процессы этой самой любви. Скажем, крестьяне демонстративно отказывались участвовать в торжествах — они упрекали Александра Сергеевича в том, что он "вовсе не был другом народа, а был другом царя: льстил им, угождал их развратным вкусам, а о народе отзывался с высокомерием потомственного дворянина". Крестьяне недоумевали в своих печатных органах: "Что же это, святой, что ли, новый? Почему назначен к нему на могилу господский съезд?"

Духовенство, как теперь выясняется, тоже не благоволило празднованию: Синод просто-напросто запретил вечером 26 мая устраивать празднества под предлогом кануна Вознесения. В отдельных иерархиях запрещалось участвовать в чествованиях, служить панихиды. Однако духовенство Святогорского монастыря все-таки выпустило ряд изданий, в которых говорилось о "чудесных случаях исцеления" в обители, где похоронен Пушкин.

Еще одним слоем населения, отказавшимся от поэта, стали... служащие железной дороги. Когда работники путей собрали между собой значительную сумму денег на сооружение памятника поэту, начальство строго-настрого запретило отдавать деньги, мотивируя это тем, что "Пушкин никогда по министерству путей не служил и чествовать его дело писателей, а не железнодорожников".

ЗДРАВСТВУЙ, RUSSIA, Я ДУБРОВСКИЙ...

Сукиных детей в России всегда было больше, чем Пушкиных

Пушкин — наше все

Но несмотря на брюзжание отдельных слоев общества, Пушкин был везде — даже на клумбах города "выращивали" цветочный лик поэта. Остальные портреты гения изготавливались из разноцветных мозаичных камней, колосьев. Самым, пожалуй, оригинальным можно считать портрет "шутка наборщика", сделанный из множества буквочек, составляющих текст биографии поэта. Имя Пушкина активно присваивали учебным заведениям, библиотекам, улицам. Поэтические описи, песни, марши, вальсы, "музыкальные марсы" всюду гремели в разгар массовых гуляний 26 мая 1899 года.

"Московские ведомости" кричали: "Наконец настал долгожданный день. Сегодня вся Россия отмечает 100-летие со дня рождения нашего великого поэта — А.С.Пушкина. В Москве перед красиво украшенным памятником Пушкина собралось много москвичей, которые пожелали принять участие в празднике. После многочисленных торжественных речей была исполнена кантата Ипполитова-Иванова, написанная им в честь поэта. Зрелище было более чем величественное. Хор состоял из 1000 детских голосов."

Чествование началось у памятника Пушкина, а затем присутствующие отправились в собор Богоявления в Елохове на службу, которую совершил митрополит. Были в сборе все, кроме царя. Николай отделался телеграммой: "Не имея возможности присутствовать в торжественном собрании Академии Наук, посвященном чествованию столетия со дня рождения великого поэта Пушкина, я сердцем и умом участвую в празднестве, в котором в сей знаменательный день сливается вся Россия".

После чего многочисленные голоса в унисон исполнили юбилейную кантату на слова самого Константина Романова:

Мы многолюдною толпою
Сошлись здесь на торжество
Единодушную семью
Сегодня чествовать того,
Кто в этот день веселый мая,
Тому назад уже сто лет,
Невинной прелестью пленяя,
Узрел впервые Божий свет...

"Теперь, до июня включительно, Пушкин — наше все. В год своего двухсотлетия он извертится в гробу от нашего идиотизма. Раздвигая на патристические цитаты — от блинов до державы, — он пойдет на галочки ответственным лицам за наглядную агитацию..." (Виктор Шендерович).

Катя САХАРОВА.

Автор благодарит Пушкинский музей на Пречистенке за помощь в подготовке материала.

Пушкин А.С.